

Научная статья

УДК 343.95

EDN AHWASV

DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(3).357-367

ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВОЙ ПРОФИЛЬ ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛОГО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Д.А. Степаненко, С.А. Машков

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

12 апреля 2026 г.

Дата принятия к публикации

23 июня 2026 г.

Дата онлайн-размещения

29 июня 2026 г.

Ключевые слова

Информационно-цифровой профиль; профилирование; виртуальная субъектность; цифровой след; криминологическое изучение личности; виртуальное представительство

Аннотация. В статье дается характеристика информационно-цифрового профиля личности как совокупности данных, формирующихся о человеке при его взаимодействии с цифровой средой в процессе жизнедеятельности. Особое внимание уделяется психолого-криминологическому значению информационно-цифрового профиля. Рассматриваются проявления «Я-концепции» и «Образа-Я» в «виртуальной реальности», а также уделяется внимание «совладающему поведению» и «копинг-стратегиям» при погружении индивида в информационно-опосредованную среду, которые выражаются в формировании «виртуальных представителей», с одной стороны, отражающих личностные характеристики человека, а, с другой — приобретающих умышленно или бессознательно новые черты. Человек в Сети выступает объектом «цифрового наблюдения» и оставляет большое количество «цифровых следов», которые накапливаются в процессе его сетевой активности. Именно их совокупность и позволяет говорить об уникальном информационно-цифровом профиле пользователя. При этом «информационно-цифровой профиль» может представлять интерес для криминальных намерений. Получение несанкционированного доступа к профилю несет риски и угрозы потери автономии и приватности, что может быть использовано для достижения преступных целей. «Цифровое профилирование» дает дополнительные возможности для раскрытия и расследования преступлений, для построения современной системы криминологических учетов. Авторы подробно анализируют понятие «информационно-цифровой профиль». Отмечается, что информационно-цифровой профиль личности становится важным инструментом для решения следственных и оперативных задач, профайлинга, оценки рисков и прогнозирования поведения. Приводятся примеры из следственной и судебной практики. Авторы приходят к ряду выводов, в частности, к выводу о необходимости междисциплинарного подхода к изучению цифрового профиля личности и его значимости для развития криминологических методик, а активность каждого человека включает не только его жизненный опыт, но и его «виртуальную» жизнь, которая может стать объектом преступных посягательств.

Для цитирования. Степаненко Д.А. Информационно-цифровой профиль личности: психолого-криминологический аспект / Д.А. Степаненко, С.А. Машков. — DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(3).357-367. — EDN AHWASV // Всероссийский криминологический журнал. — 2026. — Т. 20, № 3. — С. 357-367.

Original article

THE INFORMATION-DIGITAL PROFILE OF A PERSON: A PSYCHOLOGICAL-CRIMINALISTIC ASPECT

Diana A. Stepanenko, Sergey A. Mashkov

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2026 April 12

Accepted

2026 June 23

Available online

2026 June 29

Abstract. The article describes the information-digital profile of a person as an aggregate of data accumulated about a person through their interactions with the digital environment. Special attention is paid to the psychological-criminalistic significance of the information-digital profile. The authors examine the manifestations of “I-Concept” and “I-Image” in the “virtual reality”, and pay attention to “coping behavior” and “coping strategies” used when a person is submerged in the information-mediated environment, which are manifested in the development of “virtual agents” which, on the one hand, reflect the personal characteristics of the user and, on the other — acquire, either intentionally or unconsciously, new features. On the Web any person acts as an object of “digital surveillance” and leaves a considerable amount of “digital footprints” that

Keywords

Information-digital profile; profiling; virtual subjectivity; digital footprint; criminalistic personality study; virtual representation

are accumulated in the process of online activity. Their aggregate makes it possible to discuss the unique information-digital profile of the user. And this “information-digital profile” may pose an interest for criminal intentions. Gaining an unsanctioned access to the profile poses risks and threats of losing autonomy and privacy, which could be used for criminal purposes. “Digital profiling” presents additional opportunities for solving and investigating crimes, building a contemporary system of criminalistic registration. The authors present a detailed analysis of the concept “information-digital profile”. It is noted that the information-digital profile of a person becomes an important instrument for solving investigative and operative tasks, profiling, risk assessment and behavior predictions. Examples from investigative and court practice are presented. The authors draw a number of conclusions, particularly, regarding the necessity of an interdisciplinary approach to studying the digital profile of a person and its significance for the development of criminalistic methodologies, and that activities of each person include not only their life experience, but also their “virtual” life, which could become an object of criminal infringements.

For citation. Stepanenko D.A., Mashkov S.A. The Information-Digital Profile of a Person: A Psychological-Criminalistic Aspect. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2026, vol. 20, no. 3, pp. 357-367. (In Russian). EDN: AHWASV. DOI: 10.17150/2500-4255.2026.20(3).357-367.

В процессе цифровизации общества криминалистика и психология сталкиваются с необходимостью переосмысления традиционных подходов к формированию профиля личности. Если ранее он основывался на анализе поведенческих следов (материальных и идеальных), оставляемых человеком в реальном мире, окружающей обстановке, сознании и памяти людей, то в эпоху тотальной цифровой трансформации, охватившей все сферы человеческой жизни, каждая отдельная личность вовлечена в особую форму опосредованной коммуникативной ситуации, при которой формируется представление о новой «виртуальной субъектности». Это привело к появлению феномена — информационно-цифрового профиля личности. Для криминалистики этот феномен открыл принципиально иные возможности диагностики, поиска и идентификации лиц, представляющих интерес для процессуально-следственной и оперативно-разыскной видов деятельности, а также для прогнозирования поведения этих лиц, установления обстоятельств преступного события в целом на любом этапе его совершения.

Для понимания предмета наших рассуждений прежде всего необходимо определиться с основным понятием — «информационно-цифровой профиль личности». В литературе можно также встретить такие термины, как «цифровой профиль гражданина», «цифровой портрет», «цифровой двойник». В законодательстве и научных публикациях отсутствует единое легальное определение информационно-цифрового профиля личности, который может быть представлен как структурированная совокупность

сведений о человеке, возникающая в процессе его взаимодействия с цифровой средой и агрегированная из различных информационных систем в электронном виде. В криминалистике такой профиль используется для изучения личности участника уголовного процесса, построения версий, аутентификации, решения идентификационных, диагностических и других задач в процессе раскрытия и расследования преступлений. К определению данного понятия мы еще будем возвращаться, дополняя его содержание.

Современное общество активно и необратимо трансформируется в глобальную информационную систему. К середине 2025 г. уже почти 70 % жителей планеты Земля, согласно Глобальному отчету по статистике Digital¹, подготовленному DataReportal в партнерстве с аналитическими платформами, являлись обладателями смартфонов, выступали активными пользователями Интернета и имели аккаунты в социальных сетях. При этом Россия находится в числе 10 стран с наибольшим количеством интернет-пользователей.

Переход в «информационную эпоху» характеризуется особой ролью «виртуальной среды», созданной техническими средствами, цифровыми технологиями и сетевыми ресурсами (Интернет). При этом еще сохраняют свое действие закономерности «индустриального общества», но динамика «информационного общества» по-

¹ Данные на июль 2025 г. Digital 2025 July Global Statshot Report — DataReportal — Global Digital Insights. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-july-global-statshot>.

рождает вариативность, изменчивость и нестабильность [1, с. 130].

Личность начинает функционировать в «виртуальной реальности» в новом статусе — «пользователя Интернета», т.е. субъекта, с одной стороны, «взаимодействующего с распределенными онлайн-сервисами и мультимедийными устройствами», с другой — взаимодействующего с виртуальной средой и выступающего как некая «когнитивная конструкция «виртуальной» субъектности, образованная в результате освоения вычислительных процессов» [2, с. 15].

В психологии разработке Я-концепции, неотделимой частью которой является «образ Я», придается большое значение, так как именно она позволяет личности составить представление о себе (самооценка) и является фактором самореализации личности. «Образ Я» выступает в таких аспектах, как «самоуважение, самоуправление, самопоследовательность, самопонимание, самоутверждение, самоизучение (близость к себе), самовнушение, ожидание положительного отношения от других, склонность к самообвинению». «Образ Я» представляет собой совокупность образов чувств и представлений о своих действиях в отношении себя и окружающих. Его центром является самооценка, как адекватная (соответствующая действительным способностям и качествам человека), так и неадекватная (завышенная или заниженная). Также «образ Я» взаимосвязан с телесными переживаниями и социально-психологическим развитием человека, он динамичен и имеет бессознательные составляющие [3, с. 25–26].

«Образ Я» — это конкретный телесный индивид, существующий в пространстве и во времени, обладающий биологическими и социальными характеристиками (имеющий имя, биографию, историю жизни, включенный в определенную культуру и пространственно-временную среду [4, с. 100]). Формируется этот образ в познавательной и реальной активности, он отражает коммуникативные и межличностные связи. Период формирования является продолжительным по времени, при этом на личность влияют объективные и субъективные (экономические, социальные, историко-политические) условия ее существования.

«Виртуальный образ Я» становится дополнением к «реальному Я», возникает в контексте параллельной формы существования современного человека — в виртуальной среде. При этом

он включается в процессы самосознания, самопрезентации и самокатегоризации, вбирает в себя личностные характеристики пользователя, его систему ценностей и смыслов, взглядов и представлений, способов контакта с другими пользователями и с окружающей средой в целом. Виртуальный образ неотделим от реального образа человека (пользователя). Однако виртуальный опыт переплетается с реальным и формирует новые проявления «Я», которые выходят за границы «реального Я», связь с конкретным, внешним, телесным, пространственным и временным ослабевает, появляются новые поведенческие особенности и адаптивные механизмы. «Виртуальный образ Я» обретает «самостоятельность». Виртуальная среда «является источником уникального опыта, с которым ранее пользователи не сталкивались. Новые условия требуют преобразования механизмов категоризации, интерпретации и оценки индивидуального опыта пользователя, тем самым вызывая изменения и в процессах анализа ситуативного влияния и реагирования на различные воздействия, формирования определенной модели поведения в ответ на воздействующие стимулы» [1, с. 130].

В психологии, социологии используется термин «совладающее поведение». Он раскрывается как поведение, «позволяющее субъекту с помощью осознанных действий способами, адекватными личностным особенностям и ситуации, справиться со стрессом или трудной жизненной ситуацией» [5, с. 150]. При анализе результатов деятельности личности в виртуальной реальности необходимо учитывать особенности проявления в нем типов «совладающего поведения», его ресурсный потенциал, влияние на восприятие трудных ситуаций и на поведение личности. С юридической точки зрения особого внимания требуют так называемые копинг-стратегии, так как в «отличие от психологической защиты копинг-поведение — это осознанная стратегия действий, направленная на устранение угрозы, помехи, лучше адаптирующая человека к требованиям ситуации и помогающая преобразовать ее в соответствии со своими намерениями либо выдержать, вытерпеть те обстоятельства, изменить которые человек не может» [6].

Виртуальная среда выступает «социальной средой» человека, дополняет его существующую реальность, дает ему возможность проявиться по-разному, преобразуя человека в «цифрового субъекта» [7; 8]. Человек погру-

жается в мир информационно опосредованной среды, в пространство виртуального взаимодействия, коммуникации, в котором «индивидуальное Я» пользователя Интернета представлено как виртуальная «копия» его личности — «виртуальный представитель» [9, с. 52].

В виртуальном статусе человек получает новые возможности «конструирования» собственного образа, имиджа, биографии, идентичности: выбирает новое имя (ник), формирует иной внешний образ (аватар), определяет сообщества, участником которых станет, «принимает в друзья», заключает сделки, ограничивает доступ к профилю, вступает во взаимоотношения без учета территориальных и иных границ, формирует картину своего мира в виртуальной среде. Он может устанавливать форму взаимодействия: видео, аудио, текст, рефлексия, коммуникации, рейтинг, поведение и т.п., может быть активным участником или пассивным наблюдателем, может использовать профессиональный или развлекательный ресурсы, может выступать потребителем или генератором контента и т.д. При этом на разных площадках (мессенджеры, социальные сети, игровые платформы, профессиональные сообщества, торговые площадки и т.п.) человек способен проявлять и презентовать себя по-разному. Более того, «виртуальных представителей» у человека может быть неограниченное множество, что обуславливается как внешними факторами (условия площадки или платформы), так и удовлетворяемыми внутренними потребностями (получение поддержки — оказание помощи, продажа своих услуг и товаров — приобретение чужих ресурсов, формирование собственного мнения — влияние на решение других людей и т.п.). Возможно также умышленное создание «представителя», который будет вообще не совпадать с реальной личностью («выдуманная от начала и до конца» [10, с. 142]), что может быть обусловлено недобросовестными и даже преступными целями (введение иных лиц в заблуждение, обман), когда такой «представитель» лишь инструмент в руках реального человека.

Множественность «копий-представителей» определяется разнообразием интерактивных «виртуальных» взаимодействий и зависимостью от предполагаемых ролей. Человек надевает «маски», адаптируясь к целям и нормам поведения на той или иной виртуальной площадке, руководствуясь своими целями и задачами. При этом «виртуальный представитель» наделяется

атрибутами, которые у реального «Я» отсутствуют. Виртуальная среда, как любая среда существования человека, также влияет на него и «оказывает непосредственное психологическое воздействие», затрагивая системные процессы преобразования «родовой сущности» человека. Человек начинает воспринимать себя не только социальным, но и информационно-цифровым субъектом, подчиняясь законам виртуальной реальности. От него требуется умение переключения из одного состояния в другое, что предполагает осознание этого и практической реализации «дистанции» между реальным и виртуальным мирами. Все это может приводить к нарушению целостности личности, утрате ею ощущения реальности, кризису идентичности. Одновременное существование всех «представителей» осознается пользователем как «расщепление Я» — «множественность идентичности». Происходит отчуждение «виртуальной личности» от «реальной». Человек одновременно существует в чувственно-реальном и в виртуальном мирах. Психологический разрыв между образами реального и виртуального существования «Я» усугубляется. Но человек по собственным ощущениям остается в своей «реальной субъектности», а виртуальную среду воспринимает как возможность в определенные отрезки времени погружаться в особый мир виртуальных отношений (игрок, клиент, продавец, оппонент, блогер, ведущий дневника, проводник, пользователь и многие другие). Пограничные состояния, обусловленные неспособностью человека осознано или неосознанно преодолеть «раздвоение самого себя», могут характеризоваться, как отмечает В.И. Тищенко, даже распадом личности, потерей ощущения реальности, развитием психопатологии [9, с. 52–54, 58].

При этом каждый человек, использующий цифровые устройства, сервисы и коммуникационные платформы, действуя в Сети, априори становится объектом «цифрового наблюдения», так как все его действия в сетевом пространстве преобразуются в наборы данных и «логируются» в форме «цифрового субъекта» [7]. В силу этого он оставляет множество цифровых следов. Такие следы носят разрозненный характер и по структуре, и по содержанию. Это данные цифровых действий (история браузера, логи, геолокации, звонки, файлообменники, электронная почта, нахождение и перемещение в Сети и т.п.), данные социальной деятельности (мнения, посты, сообщения, статусы, ком-

ментарии, знаковые «метки» (лайки, дизлайки, стикеры, эмодзи), хештеги, ссылки, перепосты и т.п.), данные медиаактивности (трансляции, фото, видео, текст, рилсы, картинки и т.п.), личные данные (антропоним, адрес, документы, зарегистрированные права, биография, место нахождения и передвижения и т.п.), данные о сетевом окружении (постоянные или «случайные» сетевые контакты, «друзья», интернет-знакомые, окружение, участники сообществ, адресаты переписок и т.п.), данные экономической активности (покупки, маркет-платформы, движение денежных средств, поездки и т.п.) и многие другие виды информации.

Информация о пользователе возникает в процессе его сетевой активности и статистически накапливается. Данные о нем предоставляют как техническую информацию (используемые аккаунты, сетевые контакты, программные средства, IP-адреса, посещаемые ресурсы и т.п.), так и поведенческую, которая может отражать его пользовательскую деятельность (время входа в Сеть, выхода из нее, продолжительность пребывания в ней, используемые сетевые возможности, круг общения, уровень владения специальными «цифровыми» знаниями и навыками, количество «активностей», частота сделок и т.п.), а также коммуникативное содержание (высказывания, мнения, суждения, комментарии, знаковые и символные метки и т.п.). Цифровые следы формируются и сохраняются как записи в системе логирования, коммуникации с другими пользователями и т.п.

Вся совокупность цифровых следов образует уникальный информационно-цифровой профиль пользователя. В широком смысле такой профиль представляет собой совокупность всей цифровой информации о человеке, отражающей его психологические, социальные и биологические характеристики [11, с. 55; 12].

Профиль формируется набором действий пользователя при использовании современных цифровых систем и устройств, фиксации совокупности цифровых данных активности человека в таких элементах коммуникационной инфраструктуры, как социальные сети, мобильные приложения банков, интернет-магазины, мессенджеры, поисковые сервисы и т.д.

Информационно-цифровой профиль личности — это, по сути, структурированная информация, систематизированная по интересующим основаниям. Он является сложной многокомпонентной системой и позволяет анализировать

и формировать целостный образ личности, а также выделять отдельные характеристики. Одним из результатов обобщения цифровых следов может стать составление психологической характеристики личности: интересы, мотивация, личностные черты, увлечения, активность, профессиональные навыки, образовательные компетенции и многие другие аспекты. Информационно-цифровой профиль личности выступает проекцией человека в виртуальной среде, формируемой на основе посещаемости Интернета, активности в социальных сетях, «цифровых» навыков, поисковых запросов, транзакций, геолокационных данных, контактов, публичных сообщений и иных цифровых следов.

В этом контексте информационно-цифровой профиль личности может быть обозначен как систематизированная совокупность информации о человеке, сформированная на основе его взаимодействия в виртуальной среде и включающая анкетные, регистрационные, биометрические, технологические, поведенческие, психологические и коммуникационные данные, используемая в целях диагностики, идентификации и прогнозирования.

При этом профиль отражает «личностную идентичность» [2, с. 22] пользователя — конкретного человека, хоть и преобразованную специфической сетевой активностью, но отражающую черты его личности (как общие, так и индивидуализирующие). Их анализ возможен с точек зрения как диагностики (психологический портрет, ценностно-мотивационная сфера, уровень образования и культуры и т.п.), так и идентификации (констатация тождественности поведения и «цифровых» проявлений индивида, «скрытого» под отличающимися никами, в разных аккаунтах, в хронологических ипостасях и иных «масках» проявления). В криминалистике, особенно решающей профилактические задачи, также важна возможность прогнозирования поведения человека как в виртуальной среде, так и в реальном мире на основе анализа психологических элементов информационно-цифрового профиля личности, его сетевой активности.

Использование возможностей цифрового профилирования в аспекте психологии и криминалистики является теоретической и практической задачей, решение которой чрезвычайно актуально и востребовано, прежде всего для смены парадигмы расследования и формирования современной информационно-технологической стратегии раскрытия преступлений, кроме

того, такое решение позволит получать информацию о специфике формирования процессуальных доказательств преступного поведения или непричастности участников виртуальной среды [13, с. 110], особенностях личности и деятельности «цифрового» преступника [14, с. 76], экспертно-информационных возможностей криминалистического анализа следовой информации о личности в виртуальной среде [15, с. 98].

Оборотной стороной цифровой «прозрачности» являются риски, связанные с использованием информационно-цифрового профиля личности, порождающим угрозы возникновения неблагоприятных последствий.

Вот лишь некоторые из возможных рисков:

1. Риск потери автономии. Пользователь может утратить контроль над своими «виртуальными представителями» при нарушении права доступа к его аккаунту третьими лицами или при создании аккаунта от имени пользователя другим лицом.

2. Риск потери приватности. Доступ к личным данным, размещенным в Сети или требующимся для создания аккаунта, может получить широкий круг лиц, даже если доступ к ним ограничен или закрыт.

При этом в чистом виде ни одна из этих ситуаций сама по себе не является незаконной. В действующем законодательстве Российской Федерации ответственности за эти действия нет, если они не являются способом совершения иных правонарушений или не повлекли законодательные установленные негативные последствия.

Доступ к аккаунту могут получить члены семьи, коллеги и любые иные лица, которым доступны те же гаджеты, что и пользователю. Аккаунт также может быть взломан технически, или доступ может быть получен обманным путем (сообщение пароля доступа и т.п.). Аккаунт может быть изначально создан от имени другого лица без его согласия.

Эти риски человек не ощущает физически, так как даже может не знать, что его «виртуальным представителем» пользуются другие лица. Как правило, пока не наступили негативные последствия, человек обоснованно спокоен. При этом зачастую последствия ощущают другие лица, а не сам пользователь.

Всем известны многочисленные случаи взлома аккаунта в социальных сетях и рассылки от имени пользователя просьбы занять или перевести деньги «в связи с постигшей бедой» на указанный счет и т.п. Потерпевшими выступали

«друзья» по социальной сети, откликнувшиеся на просьбу о помощи и осуществившие денежный перевод.

Приведем несколько более редких примеров из региональной практики (Иркутская область), но не всегда получивших окончательную правовую оценку.

Несовершеннолетний (13 лет), проживающий в одном из регионов европейской части России, решил заняться деятельностью с целью извлечения дохода (таргетирование, реклама), но в силу возраста не имел права осуществлять предпринимательскую деятельность. Он приобрел в сети Интернет «заброшенный» аккаунт на сервис-портале «Госуслуги». Как позже было установлено, аккаунт принадлежал жителю деревни Иркутской области (другого региона страны), даже не имеющему выход в Интернет, которому создали аккаунт при его личном обращении в органы власти за оформлением какого-то документа. Аккаунтом житель не пользовался, поэтому об утрате автономии он даже не знал. Несовершеннолетний поменял данные в профиле, в частности, пароль доступа и телефонный номер, указав свой номер, оформленный на одного из родителей. Через приложение, установленное на своем смартфоне, он зарегистрировался от имени владельца аккаунта самозанятым (специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», предусмотренный Федеральным законом «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"» от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ). После чего несколько лет успешно зарабатывал деньги от имени другого человека, общаясь со своими клиентами исключительно через Интернет. Никто бы и не узнал об этом факте, но ребенок не обладал знаниями об обязанности платить налоги. Органы власти, обеспечивая собираемость налогов, обратились к жителю деревни с соответствующими требованиями об их уплате. В этот момент и выяснилось, что статуса самозанятого лицо не оформляло, деятельности не вело, доход не получало, доступа к профилю на портале «Госуслуг» не имеет. После обращения в правоохранительные органы были установлены все эти факты, так как следов несовершеннолетний оставил очень много (например, зачастую вел переписку с потребителями его услуг от своего имени; банковская карточка, на которую зачислялись платежи за услуги, была оформлена на его имя). По пись-

менной речи и актам поведения было также понятно, что действует ребенок. Если бы налоги отчислялись, то факт «потери автономии» так и не был бы установлен. В возбуждении уголовного дела было отказано в силу недостижения лицом возраста уголовной ответственности.

Мужчина обнаружил в сети Интернет паспортные данные постороннего человека, скан документа которого «гулял» по Сети (в какой момент и через какой ресурс произошла «потеря приватности», не было установлено, а сам человек об этом даже не знал). На имя этого человека мужчина дистанционно оформлял через разных операторов связи и посредников eSim-карты (форма сим-карты в виде программного обеспечения)². Используя эти номера eSIM, он от чужого имени регистрировался в службах доставки сетей супермаркетов г. Иркутска. Далее мужчина отработал схемы получения скидок до «минусовых дисконтов». Вот одна из них: мужчина от указанного в приложении чужого имени оформлял первый заказ через приложение супермаркета (видимо, установленного на компьютере), набирая товар на определенную условиями акции сумму (около 2–4 тыс. руб.), что позволяло получать скидку на первый заказ до 45 %. После фиксации скидки в натуральной форме (в рублях) он уже через приложение доставки отказывался от части товара из заказа (около половины суммы заказа), соответственно, сумма к уплате снижалась на цену этих товаров. При этом сумма скидки в рублях оставалась той же. Заказ доставлялся, а стоимость товара составляла всего несколько десятков рублей, которые он и оплачивал. Можно было делать и до «минусовых» показателей, но мужчина разумно оставлял «плюсовую» стоимость. При этом он при каждом заказе менял адреса доставки, имена фактических получателей, телефонные eSim-номера. Служба внутреннего контроля одного из супермаркетов далеко не сразу обратила внимание на убыточность ряда заказов. При обращении в правоохранительные органы удалось установить только человека, чей скан паспорта был использован. Он оказался непричастен. По схеме активности мошенника были выявлены несколько сотен аналогичных заказов: в отдельные дни их было до 10. Также было установлено, что схем было несколько. По реализованным профессиональ-

ным навыкам, манере письма в заказах и иным признакам было установлено, что действовал один и тот же человек, это мужчина в возрасте 40–50 лет, имеющий опыт программирования или IT-деятельности. Следы он уничтожал эффективно: IP-адрес в сети Интернет установить не удалось (Internet Protocol Address — это уникальный адрес, который идентифицирует устройство в Интернете или локальной сети (числовой идентификатор устройств (компьютера, смартфона, сервера и т.д.)³, дублирующий телефонный номер в заказе также оказался оформленным на постороннего человека. По месту активности абонентского номера в сети оператора связи и по охвату адресов доставки смогли примерно определить местонахождение данного лица (несколько многоквартирных домов по двум улицам), а позже при опросе доставщиков были подтверждены его половозрастные характеристики. Мужчина, видимо, сориентировался, что его могут изобличить, и прекратил свою деятельность или сменил схему. Однако привлечь мужчину за пробелы в работе системы заказов оснований не было, дальнейшие действия по его поиску были остановлены. Единственным выходом было изменение системы фиксации суммы скидки в рублях, что супермаркет и сделал.

Схема (буквально сегодняшнего дня) попытки получить доступ к аккаунту на сервис-портале «Госуслуги», адресатом которой стал один из авторов статьи. Злоумышленники позвонили с номера телефона региона пребывания, обратились по имени-отчеству с вопросом о заявке на проверку счетчиков. Далее последовало разъяснение, что в силу большой загруженности и определения оптимальной очередности выполнения заявок необходимо ее подтвердить через «Госуслуги» или ГИС ЖКХ либо прямо сейчас путем сообщения кода, который придет в СМС-сообщении. Женский голос, спокойная интонация, вежливость. Подозрения у абонента возникли лишь в силу его профессиональной интуиции и навыков. Для перестраховки были сделаны уточнения: «По какому адресу установлены счетчики? Кто сделал заявку? Каким способом?» Все ответы были либо уклончивые («таких данных нет»), либо неверные. Поэтому стало ясно, что звонок точно от мошенников, и разговор с абонентом был прерван. Однако

² Что такое eSIM? — Все, что вам следует знать. URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-an-esim?ysclid=mno9awzqro559120629>.

³ Что такое IP-адреса и для чего они используются? URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-an-ip-address?ysclid=mnybq9hene602927444>.

в течение трех суток аналогичные звонки с разных номеров телефона, но все региональных операторов сотовой связи, повторялись с подобным или иным сценарием. Попытка злоумышленников захвата автономии не удалась. При ином развитии ситуации была возможна блокировка доступа к аккаунту на сервис-портале «Госуслуги» со всеми вытекающими негативными последствиями, а единственным выходом было бы срочное обращение в правоохранительные органы и многофункциональный центр «Мои документы».

Примеры региональной судебной практики также наглядны.

Информация об абонентах сотовой связи (Ф. И. О., адрес, паспортные данные и телефонный номер), находящаяся в аккаунтах абонентов закрытой базы данных оператора сотовой связи, оказалась предметом торговли: преступники получили неправомерный доступ к данной информации и предоставляли ее третьим лицам за плату. Абоненты и оператор не знали о фактах утраты контроля приватности и автономии. Преступник, проживая в Новосибирске, приобрел страницу в социальной сети «ВКонтакте», через которую он от чужого имени искал сообщников для получения доступа к базе данных оператора сотовой связи с целью продажи заинтересованным лицам информации о телефонных номерах и их принадлежности конкретным людям с их персональными данными — абонентам данного оператора сотовой связи. Позднее уже с сообщником из Иркутска (сотрудником компании одного из операторов сотовой связи) они создали профили в мессенджере «Телеграм» с подложными именами и общались через совместную группу, через нее же передавалась похищенная информация. Преступники также применяли электронные платежные системы для получения незаконного вознаграждения и его обналичивания. В этой ситуации незаконно использовался профиль доступа реального сотрудника компании в преступных целях, аккаунты в социальных сетях и мессенджерах, оформленные на вымышленных лиц. Вся информационно-цифровая активность была установлена следственным путем⁴.

Преступник похищал денежные средства водителей такси. В этих целях он авторизовался в приложении «Яндекс», создав соответствующий профиль. Без ведома водителей используя

⁴ Приговор Свердловского районного суда г. Иркутска по делу № 1-168/2022 от 25.02.2022.

их учетные данные, злоумышленник через приложение тайно похищал денежные средства со счетов таксистов. Следы информационно-цифровой деятельности были выявлены, проанализированы и оценены органами следствия и суда⁵.

В апреле этого года в Иркутской области стала популярной у мошенников следующая схема «захвата автономии» аккаунта «Госуслуги». Членам семей военнослужащих поступают телефонные звонки от лжесотрудников аппарата Губернатора Иркутской области, Правительства Иркутской области или военного комиссариата с приглашением на официальное мероприятие для вручения государственных наград лично Губернатором Иркутской области. Мошенники называют Ф. И. О. военнослужащего, его родственников, степень родства и отдельные персональные данные. Далее в целях «уточнения информации» они запрашивают необходимые им личные данные и подтверждение факта участия путем озвучивания кода, направленного на смартфон. Спустя время — от нескольких часов до нескольких дней — уже другие лжесотрудники правоохранительных органов информируют о якобы взломе личного кабинета сервис-портала «Госуслуги», и по отлаженной схеме происходит обман с целью получения денежных средств.

В то же время само по себе возникновение неконтролируемого личностью или ложного «виртуального представителя» не запрещено законом, если лицо не преследует противоправные цели. Однако даже уже само по себе такое явление может повлечь иные негативные последствия на бытовом и личностном уровнях.

Примером неправомерного захвата аккаунта может служить следующая ситуация, вынудившая «потерпевшего» обратиться в правоохранительные органы в поисках защиты честного имени. Сотрудник фирмы и глава семьи долгое время не пользовался аккаунтом в социальной сети, хотя имел много ранее активно им поддерживаемых перепиской «сетевых друзей» и контактов по общению, среди которых были его родственники и сотрудники фирмы — места его работы. В этот период контроль над аккаунтом получили неустановленные лица, которые стали активно взаимодействовать с сетевыми контактами лица. В частности, направляли в процессе беседы непристойные предложения, видео- и фотоматериалы соответствующего содержания лицам женского пола, среди которых

⁵ Приговор Свердловского районного суда г. Иркутска по делу № 1-78/2024 от 06.05.2024.

были коллеги и родственники «потерпевшего». Женщины были уверены, что эти предложения исходят от изначального владельца аккаунта. На работе и дома это вызвало волну негодования и повлекло разрушительные последствия в виде реальной угрозы потери работы и проблем в семье.

Как наглядно иллюстрируют все описанные выше ситуации, риски потери приватности и автономии при использовании возможностей информационно-цифрового профиля достаточно велики и многообразны по способам.

Подводя итог, можно сделать следующие общие выводы:

1. Цифровая трансформация, охватившая все сферы общественной жизни, закономерно привела к формированию нового феномена «виртуального представителя», отражающего информационно-цифровой профиль личности — пользователя Интернета.

2. «Виртуальный представитель» неразрывно связан с личностью реального человека, даже несмотря на все искажения (субъективные и объективные), и отражает его характеристики (биологические и социальные).

3. «Виртуальный представитель» не существует вне виртуальной коммуникации, поэтому его активность отображается в совокупности цифровых данных (опосредована ими).

4. Основанием информационно-цифрового профиля личности является анализ активности пользователя Интернета через оставленные им

в виртуальной среде цифровые следы: комментарии, деятельность в сетях, знаковые метки, движение денежных средств в банковских приложениях, запросы в поисковых сервисах и др.

5. Пользователь Интернета стал объектом «цифрового наблюдения».

6. Диагностика, идентификация личности пользователя Интернета — реального человека и прогнозирование его поведения возможны и необходимы в психологических и криминалистических целях.

7. Потеря контроля над «виртуальным представителем» или противоправное создание такого рода «представителей» в преступных целях является серьезным риском, который необходимо учитывать, так как российское законодательство пока не всегда успевает за технологиями.

Феномен «виртуального представительства» формирует не просто проблему его профилирования и соотношения с реальным человеком, а ставит вопросы о том, как человек познает и соотносится с виртуальной средой, которая, с одной стороны, существует независимо от него, а с другой стороны, оказывается результатом, продуктом его деятельности, в том числе деятельности, связанной с преступными событиями. Человек будущего — это не только его поступки в реальном мире, но и осознанное управление им своей сетевой активностью, понимание того, какие данные он оставляет в виртуальной среде, и того, кто имеет к ним доступ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Расина Э.О. Виртуальный образ Я как комплексная стратегия совладающего поведения интернет-пользователя / Э.О. Расина. — DOI 10.18413/2313-8971-2022-8-3-0-12. — EDN SIZHEQ // Научный результат. Педагогика и психология образования. — 2022. — Т. 8, № 3. — С. 128–145.
2. Тищенко В.И. Конвергенция понятий «виртуальная реальность» и «сетевая идентичность» / В.И. Тищенко. — DOI 10.14357/20790279210203. — EDN XSWFCP // Труды Института системного программирования РАН. — 2021. — Т. 71, № 2. — С. 14–26.
3. Блохина Т.С. Соотношение понятий «Я-концепция» и «Образ Я» / Т.С. Блохина // Акмеология. — 2017. — № 3. — С. 23–28.
4. Труфанова Е.О. Я как реальность и как конструкция / Е.О. Труфанова. — EDN ZCDMFH // Вопросы философии. — 2017. — № 8. — С. 100–112.
5. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: современное состояние, проблемы и перспективы / Т.Л. Крюкова. — EDN MUQJQB // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова — 2008. — Т. 14. — С. 147–153.
6. Крюкова Т.Л. Человек как субъект совладающего поведения / Т.Л. Крюкова // Совладающее поведение. Современное состояние и перспективы : сб. статей / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. — Москва, 2008. — С. 55–66.
7. Goriunova O. Digital Subjects: An Introduction / O. Goriunova // Subjectivity. — 2019. — Vol. 12. — P. 1–11.
8. Goriunova O. The Digital Subject: People as Data as Persons / O. Goriunova // Theory, Culture and Society. — 2019. — Vol. 36, no. 6. — P. 125–145.
9. Тищенко В.И. Цифровое пространство личности / В.И. Тищенко. — DOI 10.14357/20790279220406. — EDN ULEUXE // Труды Института системного анализа РАН. — 2022. — Т. 72, № 4. — С. 51–61.
10. Иванов В.В. Цифровой двойник и цифровая личность: понятие, соотношение, значение в процессе совершения киберпреступлений и в праве в целом / В.В. Иванов, Д.И. Зуев. — DOI 10.33184/pravgos-2022.4.19. — EDN GQELZJ // Правовое государство: теория и практика. — 2022. — № 4. — С. 138–144.

11. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. — Москва : Проспект, 2021. — 640 с.
12. Русскевич Е.А. Цифровой профиль как предмет преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина: вопросы квалификации / Е.А. Русскевич // Уголовно-правовая охрана конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 28 мая 2021. — Москва, 2021. — С. 64–68.
13. Шаевич А.А. Алиби в цифровую эпоху: актуализация идей В.И. Шиканова в условиях трансформации доказывания / А.А. Шаевич, А.Б. Соколов. — DOI 10.17150/2411-6122.2026.1.105-115. — EDN XKUDYW // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2026. — № 1. — С. 105–115.
14. Поляков И.С. Особенности элементов механизма образования электронных следов в сети Интернет / И.С. Поляков. — DOI 10.17150/2411-6122.2025.2.70-81. — EDN RUAXMF // Сибирские уголовно- процессуальные и криминалистические чтения. — 2025. — № 2. — С. 70–81.
15. Себякин А.Г. Данные, находящиеся в открытых источниках информации, как объект судебной информационно-аналитической экспертизы / А.Г. Себякин. — DOI 10.17150/2411-6122.2024.2.95-103. — EDN JTTXQP // Сибирские уголовно- процессуальные и криминалистические чтения. — 2024. — № 2. — С. 95–103.

REFERENCES

1. Rasina E.O. Virtual Self-Image as a Coping Behavior Complex Strategy of an Internet User. *Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya = Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 128–145. (In Russian). EDN: SIZHEQ. DOI: 10.18413/2313-8971-2022-8-3-0-12.
2. Tishchenko V.I. Convergence of the Notions of “Virtual Reality” and “Network Identity”. *Trudy Instituta sistemnogo programmirovaniya RAN = Proceedings of the Institute for System Programming of the RAS*, 2021, vol. 71, no. 2, pp. 14–26. (In Russian). EDN: XSWFCP. DOI: 10.14357/20790279210203.
3. Blokhina T.S. The Interrelationship Between “Self-Conception” and “Self-Image” Concepts. *Akmeologiya = Acmeology*, 2017, no. 3, pp. 23–28. (In Russian).
4. Trufanova E.O. The Self as Reality and as Construction. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2017, no. 8, pp. 100–112. (In Russian). EDN: ZCDMFH.
5. Kryukova T.L. The Psychology of Coping Behavior: Modern Condition, Problems and Prospects. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova = Vestnik of Kostroma State University*, 2008, vol. 14, pp. 147–153. (In Russian). EDN: MUQJQB.
6. Kryukova T.L. A Person as a Subject of Coping Behavior. In Zhuravleva A.L., Kryukovoi T.L., Sergienko E.A. (eds.). *Coping Behavior. Modern Condition and Prospects. Collected Papers*. Moscow, 2000, pp. 55–66. (In Russian).
7. Goriunova O. Digital Subjects: An Introduction. *Subjectivity*, 2019, vol. 12, pp. 1–11.
8. Goriunova O. The Digital Subject: People as Data as Persons. *Theory, Culture and Society*, 2019, vol. 36, no. 6, pp. 125–145.
9. Tishchenko V.I. Digital Space of the Person. *Trudy Instituta sistemnogo programmirovaniya RAN = Proceedings of the Institute for System Programming of the RAS*, 2022, vol. 72, no. 4, pp. 51–61. (In Russian). EDN: ULEUXE. DOI: 10.14357/20790279220406.
10. Ivanov V.V., Zuev D.I. Digital Twin and Digital Identity: Concept, Correlation, Meaning in the Process of Committing Cybercrimes and in Law in General. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 4, pp. 138–144. (In Russian). EDN: GQELZJ. DOI: 10.33184/pravgos-2022.4.19.
11. Blazheev V.V., Egorova M.A. (eds.). *Digital Law*. (eds.). Moscow, Prospekt Publ., 2021. 640 p.
12. Russkevich E.A. Digital Profile as an Object of Crimes Against Constitutional Rights and Liberties of Man and Citizen: Issues of Qualification. In *Criminal Law Protection of Constitutional Rights and Liberties of Citizens, Sovereignty and Territorial Unity of the Russian Federation. Materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, May 28, 2021*. Moscow, 2021, pp. 64–68. (In Russian). EDN: RIUVMG.
13. Shaevich A.A., Sokolov A.B. Aliibi in the Digital Age: Revisiting the Ideas of V.I. Shikanov in the Context of Evolving Evidence Practices. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2026, no. 1, pp. 105–115. (In Russian). EDN: XKUDYW. DOI: 10.17150/2411-6122.2026.1.105-115.
14. Polyakov I.S. Special Features of Electronic Trace-Formation Mechanism on the Internet. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2025, no. 2, pp. 70–81. (In Russian). EDN: RUAXMF. DOI: 10.17150/2411-6122.2025.2.70-81.
15. Sebyakin A.G. Data from Open Sources as Objects of Information-Analytical Forensic Examination. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2024, no. 2, pp. 95–103. (In Russian). EDN: JTTXQP. DOI: 10.17150/2411-6122.2024.2.95-103.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Степаненко Диана Аркадьевна — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, магистр психологии, заведующий кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Института юстиции Байкальского государственного университета, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, StepanenkoDA@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6844-8598>, SPIN-код: 7170-7138, Scopus Author ID: 56592561600, ResearcherID: AAG-1755-2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Stepanenko, Diana A. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Master of Psychology, Head, Department of Criminalistics, Forensic Examination and Legal Psychology, Institute of Justice, Baikal State University, 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, the Russian Federation, StepanenkoDA@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6844-8598>, SPIN-Code: 7170-7138, Scopus Author ID: 56592561600, ResearcherID: AAG-1755-2021.

Mashkov, Sergey A. — Ph.D. in Law, Master of Psychology, Ass. Professor, Department of Criminalistics, Forensic Examina-

Машков Сергей Александрович — кандидат юридических наук, доцент, магистр психологии, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Института юстиции Байкальского государственного университета, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, MashkovSA@bgu.ru, SPIN-код: 8029-4332.

ВКЛАД АВТОРОВ

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

tion and Legal Psychology, Institute of Justice, Baikal State University, 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, the Russian Federation, MashkovSA@bgu.ru, SPIN-Code: 8029-4332.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.